

Татьяна Никитина о себе

Из детских воспоминаний

Взрослые друзья

Папа в молодости.

Мои родители учились в аспирантуре в Москве, когда я была маленькой. Иногда они забирали меня от бабушки в своё общежитие на М.Бронной. Но жить с детьми там запрещалось, и потому все было полулегально. Я была одним ребенком на весь этаж, и меня все «нянчили». Остались рассказы аспирантов о моих перлах в три-четыре года:

– А твоя мама училась в балетной школе? – задавала я бессмысленный вопрос своей подружке, дочке нашей хроменькой уборщицы, наверное, чтобы сказать, что МОЯ мама училась!

– Танечка, ты играешь с моим Э. (душанбинский сосед – изуродованный мальчик)?

– Нет, он страшный...

Мама: "Танечка, ты что, разве можно так говорить? Это ведь папа Э.!"

На другой день человек приходит за своим чемоданом и ни о чем меня не спрашивает. Но я хочу исправить свою ошибку:

– А, Э. – не страшный!

Папа устает и забывает забрать меня из детского сада. Другой раз по пути в садик санки переворачиваются, папа с ними уезжает, я лежу в сугробе, перед носом грязный снег и думаю, что это НАВСЕГДА. Мне 4 года и меня, пока папа идет за покупками (мама болеет), оставляют поиграть во дворе с детьми. Но скоро все расходятся по домам, и я одна иду по магазинам, поискать папу и «обрадовать его». Я захожу в разные магазины и зову: "Папа!" Передо мной сплошные ноги. Но, как ни странно, наконец, я вижу в очереди папу, снова радостно его зову и вижу, как папа, трясущийся папа бросает очередь и волочет меня к маме:

– А что я такого сделала? Просто доставила человеку радость! – Недоумение и обида.

Родители защитили свои диссертации, вернулись в Душанбе. У них много друзей – коллеги по работе, мамины подруги с мужьями, папины земляки. Нас с братом лечат лучшие педиатры из Риги и Ленинграда. К Фазыловым приходят знаменитые иранисты, которых потом цитирует весь мир. Одного

из них, Михаила Занда, Голда Меир в знак уважения лично встречала в аэропорту Израйля.

Это были блистательные ученые, довольно молодые люди – сплошные «безродные космополиты», которые создали Академию наук Таджикистана, университет и различные школы по подготовке местных кадров. Местное население лечили лучшие врачи страны. В Душанбе оказался выдающийся кардиолог, ученик Зеленина (последний создал знаменитые капли) И.Б.Лихциер. Мы его звали «ученик капель Зеленина». Женя Лихциер училась со мной в одном классе, и мы с ней периодически дружили. Знаменитого главу итальянских коммунистов Луиджи Лонга оперировал наш друг отоларинголог Лев Кольштейн. Любой душанбинец мог «спокойно болеть», уровень медицины подчас был выше московского.

Потом после XX съезда стали возвращаться домой бывшие арестованные. Остались в памяти страшные свидетельства о ГУЛАГе, про который у нас дома рассказывали выжившие. Моя мама и мы, дети, были хрущевцами в знак благодарности за освобождение узников. Папа скрывал от нас любовь к Сталину. Он понимал, что сделала Советская власть для Средней Азии, которая была бы, как сегодняшний Афганистан. Ведь у нас в Душанбе играли Шекспира на таджикском языке! Благодаря СССР, Средняя Азия присоединилась к цивилизованному миру, образование принесло туда свет и культуру фигурально и буквально.

Но папа, который мухи за свою жизнь не обидел, конечно, понимал, какую цену заплатили невинные лучшие из лучших. Папа не был героем, можно сказать, был ОЧЕНЬ осторожным человеком, но сострадание к другим заставляло его подчас сильно рисковать. Он принимал на работу людей без паспорта, исправлял несправедливые оценки (за пятый пункт) на вступительных экзаменах и не рассказывал об этом никому. Это потом все всплывало благодаря благодарным рассказам.

Короче говоря, варились мы в замечательном интернациональном котле – русские, таджики, армяне, корейцы, немцы, евреи, крымские татары и многие другие. У каждого за спиной была своя драма, но здесь в Душанбе можно было жить, работать и дружить. Была атмосфера братства. Дальше от центра – меньше доносов и другой гадости, все на виду. Существовало понятие совести, взаимной поддержки, уважения. Потом постепенно многие «беженцы» вернулись к своим берегам, но мало кто нашел время и место лучше Душанбе. Все-таки после войны еще лет 10-15 жива была радость 45-го года, еще не забылось – выжили и победили!

Я помню на улицах моего детства много инвалидов на деревянных досках с колесами. Последний раз такого инвалида я увидела в коридоре нашего Октябрьского исполкома в 1992г., когда человек отталкивался руками от пола и торопился за Ильей Заславским, который от него бежал гораздо быстрее хоть и с костылем: "Мы же вас выбирали!"

Но это было уже другое время и другая страна.